

Линь Тунси некоторое время пристально смотрел собеседнику в глаза. Тот мягко, обезоруживающе улыбался. На губах Тунси тоже промелькнуло подобие улыбки, и он спокойно протянул руку:

— Рад встрече.

Стоявший рядом Ся Чуньчжи добродушно рассмеялся:

— Раз вы уже работали вместе, то и притираться заново не придется. К чему эти церемонии? Прошу, присаживайтесь. Обсудим наш проект по-семейному, раз уж собрались втроем.

Тунси мельком глянул на Цинь Наня и сел первым. Сжав правую ладонь в кулак, он улучил момент и незаметно потер ее большим пальцем левой руки, пытаясь унять щекочущую дрожь — секунду назад этот несносный волчонок, пожимая ему руку, едва ощутимо провел кончиком пальца по его ладони.

Режиссер усадил Тунси рядом с Цинь Нанем, а сам занял место по правую руку от актера. Как раз вошли официанты с подносами; Ся Чуньчжи увлекся расстановкой блюд, на время оставив спутников наедине.

Цинь Нань поправил тонкую золотую оправу очков и, глядя на безупречный профиль Тунси, заговорщически улыбнулся.

— Почему ты игнорируешь мои сообщения? — подавшись вперед, вкрадчиво прошептал он. В его голосе послышались капризные, детские нотки.

Тунси опустил глаза. Заметив, что рука Цинь Наня медленно ползет к его колену, он чувствительно шлепнул по ней пальцами и холодно ответил:

— Наше партнерство завершено. К чему лишние разговоры?

Еще тогда он четко дал понять этому волчонку: контракт закрыт — и никаких личных контактов. Да и о чем им общаться? Всеми делами компаний занимаются специально нанятые люди, а лишняя головная боль Тунси была не нужна. Если уж рвать связи, то раз и навсегда.

Цинь Нань обиженно надулся, глядя на него со всей скорбью мира:

— Ты что, решил вычеркнуть меня из жизни?

Тунси лишь молча смерил его взглядом.

А ведь раньше этот парень был совершенно неукротимым. При первой встрече от него так и веяло бунтарством, а одевался он исключительно в ультрамодный шмот, словно вознамерился стать самым стильным хулиганом в городе. Всего три месяца разлуки — и перед ним классический деловой воротила в безупречном строгом костюме. Зрение идеальное, но нацепил очки в золотой оправе, явно пытаясь сойти за холодного и недоступного интеллектуала. И ведь признать надо: маска сидела как влитая. Порода семьи Цинь давала о себе знать.

Но Тунси слишком хорошо знал его истинную натуру. В какие бы шелка этот хищник ни рядился, под ними все равно скрывался дикий, опасный волчонок.

Во время их прежнего «взаимовыгодного сотрудничества» этот звереныш в порыве страсти так прикусил его за плечо, что след от зубов не сходил целую неделю. Именно после той ночи Тунси без малейших колебаний переименовал его в контактах WeChat в «Волчонка».

— Никто с тобой не рвет отношений, — понизив голос, отозвался Тунси. — Но ты сам обещал держать дистанцию и не лезть со звонками вне рабочих вопросов. А теперь строчишь мне чуть ли не каждые три дня. Хочешь нарушить уговор?

Два года назад, когда Цинь Нань впервые пришел к нему с предложением объединить усилия ради возвращения семейного бизнеса, ситуация казалась безвыходной. В семье Цинь все перепуталось: когда мальчику исполнилось пятнадцать, его родители тяжело заболели и впали в вегетативное состояние. Управление огромной публичной Группой Цинь и всеми сопутствующими активами прибрал к рукам его второй дядя, Цинь Юцзи — якобы из-за несовершеннолетия законного наследника.

Когда же Цинь Нань подрос, дядя и не подумал возвращать бразды правления.

Парень твердо решил вернуть то, что по праву принадлежало его отцу и матери, не желая оставлять плоды их многолетнего труда алчному родственнику. Однако в их закрытом элитарном кругу никто не спешил протягивать ему руку помощи. В одиночку бороться было безумием, а идти на открытый конфликт до того, как карты лягут в его пользу, — чистым самоубийством. В итоге Цинь Нань вышел на Линь Тунси.

Семья Линь владела колоссальным состоянием, но вращалась в совершенно иных деловых кругах, не пересекаясь с влиятельной семьей Цинь. Сам Тунси, хоть и принадлежал к этой богатой фамилии, имел собственные независимые активы и стоял в стороне от светских интриг. Для Цинь Наня он стал идеальным, непредвзятым партнером.

Сделка оказалась обоюдовыгодной: Тунси помогал молодому человеку вернуть законное наследство и занять пост председателя семейного конгломерата, а Цинь Нань в ответ брал на себя финансирование фильмов, в которых снимался актер.

Тунси не мог бесконечно сам вкладывать деньги в проекты ради главных ролей — он стремился избегать лишней шумихи, чтобы дотошные репортеры не раскопали его происхождение и связь

с семьей Линь. Ему требовался надежный, официальный инвестор со стороны.

Демонстрируя серьезность намерений, Цинь Нань не взял с Тунси ни юаня — он вкладывал исключительно собственные средства, которые, к слову, приносили колоссальную прибыль благодаря таланту актера. Так что роль щедрого покровителя приносила ему только выгоду.

Культурно-медийная компания Байяо принадлежала лично Цинь Наню, хоть де-юре и была оформлена на подставное лицо. За пределами их узкого круга никто и представить не мог, что таинственный спонсор, исправно продвигавший фильмы Линь Тунси, — это наследник империи Цинь.

Когда родители слегли, Цинь Нань рвался ухаживать за ними, но властная бабушка под благовидным предлогом — мол, за больными присмотрят лучшие врачи, а мальчику нельзя портить будущее — в шестнадцать лет отослала его учиться за границу. Лишь спустя годы ему позволили вернуться на родину.

За время его вынужденного изгнания второй дядя окончательно подмял под себя семейный бизнес, пустив глубокие корни. В итоге законного преемника в высшем обществе попросту забыли.

О том, как жестко обделили парня дома, шептались все столичные элиты; краем уха слышал об этом и Тунси. Но режиссер Ся Чуньчжи, бесконечно далекий от верхушки делового мира, оставался в блаженном неведении. Поскольку Цинь Нань тщательно маскировался, мастер Ся искренне считал его обычным топ-менеджером, присланным из «Байяо».

Цинь Нань снял очки, небрежно опустив их на скатерть, что мгновенно подчеркнуло его породистый, с горбинкой, нос. Он медленно провел кончиком языка по губам и, не отрывая взгляда от глаз Тунси, негромко произнес:

— Я ведь вошел инвестором в твою новую картину. Неужели это ни о чем тебе не говорит?

В этот момент официанты закончили сервировку и бесшумно покинули зал. Ся Чуньчжи вернулся за стол и, уловив лишь обрывок фразы, с улыбкой спросил:

— О каких инвестициях речь?

Цинь Нань обезоруживающе улыбнулся режиссеру:

— Режиссер Ся, я как раз уверял господина Линя, что наше руководство решилось на этот шаг исключительно из глубокого уважения к вашему мастерству и его непревзойденному таланту.

Ся Чуньчжи польщенно рассмеялся и радушно взмахнул палочками:

— Мы с Тунси с обеда на ногах — сначала примерка и грим, потом долгая дорога, показы... С тех пор ни крошки во рту не было. Уж простите нам нашу невоспитанность, господин Цинь, но мы набросимся на еду без лишних церемоний.

— Тунси, налегай на горячее, — заботливо добавил режиссер. — Слышал, ты сегодня еще до рассвета снимался в финальных сценах, вымотался, небось. С алкоголем усердствовать не будем — перекусим, обсудим детали, и я отпущу тебя отсыпаться.

Цинь Нань не испытывал голода, но ради приличия составил им компанию. Когда Ся Чуньчжи предложил выпить, он не стал отказываться, однако проявил сдержанность, сделав лишь несколько скромных глотков красного вина.

Назвав точную дату начала съемок, режиссер выжидающе посмотрел на актера. Возражений у Тунси не возникло, и Ся Чуньчжи удовлетворенно улыбнулся:

— Мы долго спорили по поводу рабочего названия, но теперь, перед самым запуском, наконец утвердили окончательный вариант. Фильм выйдет под названием Персик за горой.

— Персик за горой... — вполголоса повторил Тунси. На его лице отразилась мягкая задумчивость. — Красиво. Звучит поэтично.

— Согласен, — подал голос Цинь Нань, буравя актера тяжелым, собственническим взглядом. — По-моему, оно идеально отражает суть вашего персонажа, господин Линь.

Тунси удостоил его лишь мимолетным, холодным взглядом. На протяжении всего ужина Ся Чуньчжи фонтанировал идеями и болтал без умолку, так что вставить слово наедине Цинь Нань больше не мог. Однако парень сполна компенсировал это молчанием, пожирая актера глазами. Взгляд тот был настолько плотоядным и горячим, что игнорировать его не получалось при всем желании.

В конце концов Тунси поднялся из-за стола, сославшись на необходимость отлучиться в уборную. На самом деле он намеренно давал навязчивому поклоннику шанс поговорить без свидетелей: сославшись на то, что хочет заодно дать пару поручений своему ассистенту Сяо Бэю, Тунси вышел в общий коридор, проигнорировав индивидуальную туалетную комнату в самом VIP-зале. Режиссер лишь благодушно кивнул в ответ.

Стоило двери закрыться, как позади послышались торопливые шаги — волчонок предсказуемо клюнул на приманку. Пройдя мимо лаунж-зоны, Тунси свернул за угол и вошел в просторную туалетную комнату.

Верхний этаж отеля был разделен на изолированные приватные зоны, закрепленные за отдельными кабинетами, поэтому коридорный санузел ничуть не уступал внутрикомнатному по уровню конфиденциальности. Без специального вызова персонал здесь не появлялся, гарантируя гостям абсолютный покой. Вокруг царила гулкая, интимная тишина.

Цинь Нань скользнул следом и запер замок изнутри. Тунси, стоявший у раковины, даже не обернулся, однако стоило преследователю бесшумно придвинуться вплотную со спины, как актер неувимым, гибким движением ушел в сторону.

Спокойно вытирая руки бумажным полотенцем, он посмотрел на Цинь Наня с легким утомлением:

— Если тебе так приспичило, найди себе кого-нибудь на стороне. Уверен, от желающих отбоя не будет. У меня нет ни времени, ни желания участвовать в твоих играх.

Их былая интимная связь вообще завязалась случайно, на фоне деловых переговоров. Не случись тогда той хмельной, бесконтрольной ночи, Тунси никогда бы не ввязался в подобные отношения.

Цинь Нань шагнул ближе, его глаза потемнели:

— С чего ты взял, что я играю?

— Да, я дал слабинку, когда согласился разойтись. Почти сразу же понял, какую глупость совершил. Но на меня тогда навалились дела холдинга: хаос в управлении, совет директоров, который вставлял палки в колеса... Приходилось выгрызать свое зубами, времени дышать не оставалось. Я пытался писать тебе, но ты упрямо молчал. Игнорировал любое слово. Теперь, когда буря улеглась, у меня развязаны руки. И раз ты не отвечаешь на сообщения, мне пришлось прийти самому.

До этого Цинь Нань действительно заваливал Тунси ворохом бессмысленных сообщений, но признаваться в чувствах через экран смартфона казалось ему глупым и фальшивым. Он ждал личной встречи. И теперь, видя глухую стену отчуждения, решил рубить сплеча:

— Давай начистоту. После нашего разрыва у меня никого не было. Тогда ты поставил условие: только секс, никаких чувств. Я согласился, думал, справлюсь. Но переоценил себя. Без тебя я просто схожу с ума. Я хочу вернуть нас. Но на этот раз — по-настоящему, с чувствами. Что скажешь?

Тунси тихо, но безжалостно качнул головой:

— Нет. Исключено.

В помещении было душно от жарко топивших батарей. Хотя Цинь Нань мысленно готовил себя к отказу, сухие слова Тунси полоснули по живому. В груди мгновенно разлилась горечь, сменяясь удушливым, лихорадочным жаром — все те безумные надежды, что он бережно возвращал последние месяцы, рухнули в один миг. Парень почувствовал, как по спине струится пот; резким движением он рванул пуговицы серебристо-серого пиджака, расстегивая

его, и уставился на Тунси жалобным, побитым взглядом:

— Братец... Может, ты все-таки подумаешь?

<http://bllate.org/book/20602/2106584>